

«Я ТЕРЯЮ ВЕРУ В СОЦИАЛИЗМ, ТЕРЯЮ ВЕРУ В ТО, ЧТО КОМСОМОЛ ЕСТЬ ЧТО-ТО ДЕЛЬНОЕ, ХОРОШЕЕ»: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПИСЕМ МОЛОДЕЖИ 1920-х гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-05864а.

Апробирована методика контент-анализа эпистолярного наследия 1920-х гг. В качестве главного источника выступили письма молодежи. Установлено, что несмотря широкий спектр поднимаемых в документах вопросов, их можно представить в виде системы приоритетных для молодежи проблем, важность которых на протяжении исследуемого периода менялась.

Ключевые слова: история молодежи; комсомол; контент-анализ; письма молодежи.

Традиционно изучение истории развития советского молодежного движения строится на базе документов комсомольских и партийных организаций. За основу берутся материалы центральных и местных съездов, резолюции конференций, организационная переписка, отчетные доклады по направлениям работы и прочая внутренняя документация. Анализ источников данного вида отдавалось предпочтение ещё в советской историографии. В итоге это привело к достаточно узко-направленному представлению о прошлом российской молодежи. Исследователи делали выводы об успехах коммунистического движения, о распространении комсомола по стране и поддержке политики партии. В то же время некоторые отступления от генеральной линии, возникающие проблемы, а также альтернативы в самоорганизации юношества рассматривались как болезненные явления, с которыми комсомол вынужденно боролся всеми возможными способами [1–3].

Не отрицая важности и значимости обозначенного типа документов, отметим, что их сложно назвать релевантными в изучении настроений и широкого перечня проблем, с которыми сталкивалась молодежь в условиях 1920-х гг. Действительно, формализованные отчеты конференций или лозунги коммунистических съездов вряд ли прольют свет на истинные запросы, требования подрастающего поколения, его отношение к проводимой политике и системе коммунистического воспитания. Это тем более очевидно, если принять во внимание, что лишь небольшая часть из числа молодых людей в данный период была в составе комсомольского движения. А альтернативные взгляды на роль молодежной организации и основные направления её деятельности в официальных документах полноценно не отразились.

Решить данную проблему может помочь привлечение эпистолярного наследия изучаемой эпохи. Этот вид источников, по мнению некоторых специалистов, максимально полно отражает социально-культурные проявления исторического периода [4. С. 142]. В современных исследованиях им отведена особая роль, именно поэтому сегодня как никогда востребованы источниковедческие публикации документов личного характера, расширяющие наши представления о взаимоотношениях народа и власти, раскрывающие общественное сознание населения, а также отдельных групп российского социума, в том числе и молодежи [5–7]. Однако письма подрастающего поколения по-прежнему относятся к категории источников, специально не исследуемых. Во многом это связано с определенными трудностями их поис-

ка. В многочисленных как региональных, так и центральных архивных фондах хранятся сотни, а может быть, и тысячи таких писем, однако они не систематизированы, а фактически «распылены» по делам. Некоторые из них были опубликованы, привлекались в качестве источников [8], но большинство по-прежнему неизвестно широкому кругу исследователей.

Между тем письма молодежи – важнейший источник, позволяющий взглянуть на переживаемые исторические события глазами самого молодого поколения, узнать о том, что действительно его волновало и интересовало, какие мечты и надежды были для него характерны. Юноши и девушки стремились поделиться своими проблемами, найти помощь, пытались получить ответы на волнующие вопросы, выразить свое отношение к происходившему. Авторами выступали представители всех социальных групп (крестьяне, рабочие, учащиеся). Как правило, письма адресовались руководителям Советского государства (Троцкому, Бухарину, Молотову), лицам, возглавлявшим комсомольское движение, направлялись в редакции центральных и местных периодических изданий.

Например, в 1923 г. комсомольцы обратились к Л.Д. Троцкому с целым рядом проблем и вопросов, касающихся коммунистического воспитания (как относиться к быстрому росту Союза и ослаблению партийного ядра в его составе, некоммунистическому поведению; как организовывать массовые кампании и обеспечить постоянное «систематическое» участие молодежи в государственном строительстве и партийной работе и т.д.) [9]. В лице Л.Д. Троцкого молодежь видела государственного и политического лидера, и проблемы, которые он затрагивал в статьях и выступлениях, находили живой отклик у представителей нового поколения. Пройдет совсем немного времени, и в подавляющем большинстве писем, под воздействием пропаганды борьбы с партийной оппозицией, отношение к одному из лидеров Великой русской революции изменится. Комсомолец М.А. Петров писал в редакцию «Комсомольской правды» в октябре 1925 г.: «Троцкий является одним из последних, никуда не годных большевиков. Если я раньше преклонялся перед портретом Троцкого, как перед председателем РВС, то теперь я на этот портрет смотрю с презрением!» [10. Д. 664. Л. 8–9].

Неподдельный интерес, поддержка и одобрение проводимой политики – содержание лишь части писем. Гораздо шире были представлены другие темы, связанные с неудовлетворенностью жизнью подрас-

тающего поколения. Некоторые из письменных обращений помимо жалоб и требований содержали резкую критику работы комсомола, партийных и государственных органов, ряда руководителей как главных виновников переживаемого момента. Безусловно, подобное творчество представляло большую угрозу власти, поэтому письма, адресованные в печать и в различного рода учреждения, передавались в специальные надзорные органы. Из корреспонденции, которую использовать в печати по понятным причинам было нельзя, подготавливались соответствующие информационные сводки. В частности этим занималась редакция газеты «Комсомольская правда», видевшая в письмах необходимый материал для ознакомления с настроениями молодежи и её отношением к волнующим партию и советскую общественность проблемам.

Таким образом, перечень вопросов, которые затрагивала молодежь в эпистолярном творчестве, достаточно обширен. На сегодняшний день, к сожалению, он в должной мере не изучен. Поэтому нами была поставлена задача: проанализировать содержание писем 1920-х гг., с целью формирования комплекса приоритетных, с точки зрения молодого человека, проблем, и проследить, как они менялись на протяжении всего исследуемого периода. Сложный характер используемого источника потребовал специальных методов изучения. Для реализации поставленной задачи был задействован метод контент-анализа.

В результате поисковой работы в фондах РГАСПИ, ГАНО, ИАОО нами было обнаружено 87 писем молодежи. По времени написания основной массив относится к 1926 г. (27 писем), к 1927 (19), 1925 (13), 1928 (9), 1929 (9), 1924 (7), 1923 (2), 1920–1922 гг. (1 письмо). Отметим, что характер документов крайне разнообразный. Прежде всего, они отличаются по объему. Есть письма, которые можно условно охарактеризовать как «записки», состоящие из нескольких предложений, а есть документы, которые подробно описывают проблемы комсомольского движения и предлагают целый комплекс мероприятий, направленных на его улучшение, состоящие из 7–10 листов рукописного текста. Поэтому было принято решение унифицировать текстовую информацию по количеству символов: максимальный размер документа не должен превышать 1 500 знаков. Большие письма были разделены на несколько частей. В итоге общее количество текстов составило 113 единиц. Однако количественная неравномерность представленных писем по годам заставила пойти на ограничения. В результате случайной выборки были взяты по 10 текстов 1924–1929 гг. (всего 60). Период 1920–1923 гг. не вошёл из-за отсутствия достаточного для количественного анализа материала. Содержание всех об-

наруженных нами источников (не вошедшего в контент-анализ) задействовалось нами в качестве важной эмпирической основы исследования.

Для проведения контент-анализа использовался программный продукт Global QDA. Программа является результатом творчества молодого российского специалиста в области контент-анализа, позиционируется как аналог уже давно существующим на рынке Atlas.ti, Dedoose, Max Qda и другими разработкам [11]. Программа позволяет осуществлять кодирование текста, вести учет данных, экспортировать их в нужные для исследования форматы, визуализировать результаты.

В результате содержательного анализа всего комплекса писем нами были выделены «первичные смысловые единицы», отражающие главные проблемы, поднимаемые в письмах молодежи (всего 74 компонента). Их тематика достаточно широка: обращения за разъяснениями о проводимой классовой политике, критика культуры коммунистической верхушки, жалобы на тяжелое материальное положение, суждения о противоречиях между пропагандируемыми ценностями и действительностью, утверждения о падении авторитета и боеспособности комсомола и пр.

На следующем этапе выделенные «первичные смысловые единицы» были агрегированы в сюжетно-значимые темы (категории). Тем самым достигнуто не только сокращение общего числа понятий, но и увеличен их статистический вес. Для поиска исчерпывающих и взаимоисключающих единиц анализа проводилось многократное тестирование. В результате были сформированы 13 обобщенных категорий: констатация упаднических настроений, апатии, разочарования (pessimism); констатация отсутствия внутренней организационной демократии, сложных отношений между активом и массами (democracy); неудовлетворенность характером работы комсомольских организаций (work); чрезмерные нагрузки (workload); неудовлетворенность политической работой комсомола (policy); констатация тяжелого материального положения молодежи (money); неудовлетворенность социальной (классовой) политикой (class); неудовлетворение целей вступления в комсомол (reason); негативное отношение общества к комсомолу (attitude); констатация влияния альтернативных сил на молодежь (alternate); проблема взаимоотношения между партией и комсомолом (party); неудовлетворенность основными направлениями работы (dissatisfaction); новые социальные отношения (new life).

Затем для всех писем по каждому признаку категории (констатации, жалобы, требования, суждения и пр.) были определены частоты их встречаемости в тексте каждого документа (от 0 до 5). Полученные результаты сведены в таблицу, где подсчитано общее количество категориальных признаков во всех письмах по годам.

Количество категориальных признаков по годам

Year	Democracy	Alternate	Money	Pessimism	Attitude	Reason	Work	Policy	New life	Class	Party	Workload	Dissatisfaction	Summa
1924	4	4	3	1	11	1	2	3	21	0	3	1	1	55
1925	9	5	4	6	5	14	10	3	7	7	4	3	6	83
1926	25	2	8	13	0	8	15	6	0	4	3	7	4	95
1927	11	0	7	13	0	5	16	7	0	3	2	1	6	71
1928	9	2	2	5	1	3	4	3	2	8	9	2	7	57
1929	6	0	5	2	3	2	3	4	2	5	3	3	8	46
max	64	13	29	40	20	33	50	26	32	27	24	17	32	407

Из представленных результатов видно, что наибольшая встречаемость признаков у категории «democrasy» – 64 (16% от суммы всех признаков), выражающая недовольство молодежи взаимоотношениями внутри комсомола, разобщенностью, иерархией внутри организации, отсутствием свободы слова, выбора. Нет ничего удивительного в том, что эти сюжеты получили широкое освещение в письмах, так как в большинстве случаев авторами выступали действующие или бывшие комсомольцы. Значение показателя встречаемости признаков увеличивалось в период с 1924 по 1926 г., достигнув 25. В последующие годы он снизился, но в целом оставался стабильным. В обнаруженных нами документах до 1924 г. проблема не имела ярко выраженного характера, но в 1926 г. она звучала практически в каждом письме. Содержание писем позволяет выделить два главных мотива или причины, побудившие молодежь говорить о данной проблеме.

Во-первых, писать об этом заставляла «несправедливость», с которой юноши и девушки сталкивались в комсомольской организации. Их вступление в коммунистический союз можно рассматривать как поиск конформной [12. С. 258] среды, необходимой для успешной адаптации к новым социально-политическим реалиям 1920-х гг. В организации молодежь надеялась встретить единомышленников, друзей, товарищей, объединенных мечтой построения нового общества. Здесь она искала защиту от экономических невзгод, пыталась повысить свой уровень грамотности, удовлетворить культурные потребности. К сожалению, практическая деятельность организации не всегда соответствовала запросам подрастающего поколения. В 1926 г. комсомолец Северов писал в редакцию «Комсомольской правды»: «Что для нас сейчас есть в комсомоле, чтобы могло заинтересовать молодого человека? Ничего нет! Если тебе надо образование, то комсомол не только не помогает этому, но даже мешает. Вместо какого-нибудь литературного или научного вопроса, скорее преподнесут мировую революцию, которая, кстати, уже начисто потеряла свое значение в сознании масс» [10. Д. 507. Л. 40–40 об.].

Экономические проблемы комсомол также не мог решить быстро. Нехватка средств приводила, с одной стороны, к их экономии, а с другой – к распределению не по заслугам, а по должности. Многочисленные сообщения о делении комсомола на две части: руководящее звено и массы, превратились в доминирующую тему к середине 1920-х гг. Вот лишь несколько примеров: «...секретари в комитетах стали неприкосновенными личностями, полный отрыв от масс...» [Там же. Д. 508. Л. 20], «...повсюду привилегии руководящего состава. Места по разверстке рабфака в первую очередь распределяются среди актива», «...комсомол разбился на две категории актив и не-актив. В комсомоле остается нацепить звездочки, петлицы и получают действительные и статские ассессора, с правом занимать такие-то посты» [Там же. Д. 509. Л. 62 об.], «...демократия в комсомоле отсутствует, существует неограниченное диктаторство партии над комсомолом и комсомольской верхушкой над членами комсомольских организаций» [Там же. Д. 508. Л. 52].

Во-вторых, обсуждение вопросов демократии было активизировано властью вследствие так называемой борьбы с оппозицией. Организация и поддержка «здоровой критики» неурядиц в жизни комсомола подразумевали, в первую очередь, активную борьбу с инакомыслием. В печати появлялись материалы, направленные на осуждение «раскольников», молодежь призывали активно участвовать в дискуссиях.

Тотальная критика «новой оппозиции» вызвала массовый отклик у молодежи. Однако параллельно с этим в редакции газет хлынул поток писем, где ставилось под сомнение существование самого принципа демократии: «Сегодня союз стал машиной, которому суждено только служить и слушать и будто бы он не имеет никакого права высказывать свое мнение» [10. Д. 587. Л. 2]. Большое количество обращений молодежи указывало на недостаточность информации об оппозиции, что мешало разобраться, что именно она хочет и почему ее столь жестко критикуют: «Не всякому коммунисту, не всякому комсомольцу, не всякому рабочему понятно, чего хочет оппозиция. Пусть оппозиция высказывается сколько хочет, чтобы каждый рабочий мог увидеть, чего они хотят, по каким вопросам они правы и по каким ошибаются...» [Там же. Л. 3]. Молодежь призывала к открытой дискуссии: «Если мне скажут, что всякие дискуссии мешают строительству социализма, то я должен заметить, что еще труднее строить социализм, когда мы не знаем, как лучше и как легче строить социализм. Лишь после дискуссии все станет яснее и можно будет легче строить социализм» [Там же].

Таким образом, вопросы внутренней демократии имели большое значение для подрастающего поколения в 1920-е гг. Молодежь не в теории, а на практике замечала, что декларируемые принципы свободы, равенства, товарищества не в полной мере реализуются в повседневной жизни. Сотни писем отправлялись в различные организации. В надежде быть услышанными молодые люди рассказывали о своих чувствах, эмоциях, несправедливости, верили, что обращения смогут повлиять на ситуацию.

Близкой по своему значению и смыслу к предыдущей является категория «work», выражающая неудовлетворенность характером работы внутри комсомольских организаций и включающая такие характеристики, как бюрократизм, карьеризм, ложь, лицемерие, формализм. По количеству встречаемых признаков она немногим уступает первой категории – 50 (12,3% от суммы всех признаков), максимальная встречаемость атрибутов приходится на 1925–1927 гг. Если в первом случае («democrasy») для молодежи важным было внутригрупповое, межличностное общение, равенство, ощущение себя частью коллектива, то данная категория характеризует проблему соответствия работы комсомола главным принципам коммунистической морали. Идеи, заложенные в основы построения социалистического общества, реализовывались не в полной мере, молодежь как наиболее открытая и независимая часть социума остро реагировала на это, пыталась привлечь внимание власти. Письма изобилуют примерами многочисленных злоупотреблений комсомольских работников: хищения, кумов-

ство, должностные преступления; содержат критику тех, кто вступает с целью получить портфель, платное место, попасть на учебу и пр. «Записался в комсомол, шел туда со стремлением учиться, учиться ленинизму, учиться сельскому хозяйству, учиться многому, но увидел, что попал в какую-то грязь, кругом обман, лицемерие, лентяйство – просто хаос какой-то» [10. Д. 507. Л. 156], – писал комсомолец Д. Яркин.

В большом количестве писем нами были выявлены признаки категории «pessimism» – 40 (10% от суммы всех признаков), которая характеризует общее подавленное социопсихологическое положение. Как и в случае с категориями «democrasy» и «work», наибольшая встречаемость признаков обнаружена в письмах 1926–1927 гг. (по 13, для сравнения в 1929 г. их было только два), что говорит об их положительной корреляции. Связь категорий прослеживается и в содержании. Пессимизм был вызван неудовлетворенностью комсомолом и положением молодежи в организации. Негативные эмоции стали результатом не только экономических сложностей, голода, дороговизны, ключевое значение играла также идеологическая составляющая. В большинстве писем остро ставился вопрос о будущем Советского государства и коммунизма, присутствовали сомнения в достижимости целей: «Все мои старые убеждения, пропитавшие меня в годы революции, подтачиваются, выбиваются из моей головы сегодняшними днями... Идеалы старые рушатся под ногами истории, а новых пока нет. Кризис, где искать в себе силы? ...Жизнь красива и радостна только в нашей печати.... Мы сами в себе вырабатываем яд, который уничтожает и так наш исхудалый организм» [Там же. Л. 40–40 об.].

Анализируя содержание писем, приходится констатировать существование серьезной неудовлетворенности ожиданий молодежи и больших противоречий, с которыми ей приходилось сталкиваться в повседневной жизни. Мечты на быстрое построение советского общества не оправдались, что вкупе с социально-экономическими проблемами эпохи приводило к серьезным психологическим переживаниям. Молодежь обращалась за помощью в центральные органы комсомола и партии: «Скажите, что мне делать, чтобы я чувствовал твердую почву под ногами, чтобы я был уверен, что мы все-таки придем к социализму. Дайте мне или обширное письмо или же совет, какие нужно читать книги по этому поводу. Я теряю веру в социализм, теряю веру в то, что комсомол есть что-то дельное хорошее» [Там же. Л. 157].

Усиливающиеся негативные настроения в среде молодежи не остались незамеченными. Реакция власти была неоднозначной. Некоторые политические лидеры (например, один из авторов-составителей «Краткого курса истории ВКПб» В.Г. Кнорин) призывали не драматизировать, указывая, что подобного рода «упаднические» настроения характерны только для непролетарской молодежи [13. С. XIII]. Другие традиционно главную причину видели в недостатке массовой политической работы. Наконец, третьи главным виновником распространения подобных взглядов называли творческую интеллигенцию и в частности С. Есенина [14]. Не случайно обобщенная

характеристика пессимистических настроений в среде молодежи получила наименование «есенинщина». Поэтому борьба с этим негативным явлением в жизни подрастающего поколения велась по всем фронтам, прежде всего пропагандистскими и запретительными методами. В сознании молодежи формировался образ комсомольца – верного борца за коммунизм, которому чужды пессимистические настроения, буржуазные ценности и увлечения, в том числе и творчество Есенина.

Категория «reason» объединяет суждения о неудовлетворенности целей вступления в комсомол, указания на отсутствие помощи в учебе, социальной и правовой защите, материальной поддержке. Общее количество выявленных признаков составляет 33 (8,1% от суммы всех признаков). Их наибольшая встречаемость обнаружена в письмах 1925 г. – 14. В последующие годы отмечено постепенное снижение показателя. Как известно, на протяжении 20-х гг. комсомол формировал разные направления и совершенствовал свои методы работы с молодежью. Хотя они не всегда в полной мере соответствовали ожиданиям подрастающего поколения. Значительное число писем содержат сомнения в необходимости политической учебы, недостатке культурно-воспитательной работы. Особое место занимают письма девушек. В начале 1920-х гг. привлечение слабого пола в состав комсомола считалось важной и трудной задачей. В агитационно-пропагандистских материалах указывалось на патриархальность, закомплексованность, общую отсталость девушек. На основе этого декларируался особый бережный подход в их привлечении и работе в коммунистическом союзе. Однако содержание писем свидетельствует, что преодолеть дискриминационное отношение не всегда получалось. Редакция «Комсомольской правды» получила письмо С. Дембовской, озаглавленное «Где же выход?». Девушка писала: «Мы, девушки, вступаем в комсомол, ждем от него многого и часто получаем слишком мало. На собраниях нас не выслушивают, предлагают закрыться, но зато для нас существуют закрытые бюро. Может быть, вы знаете, что это закрытое собрание для обсуждения текущей работы? Ничего подобного – это просто особый вид издевательства над девчатами, не желающими подчиняться довольно недвусмысленным весенним требованиям актива» [10. Д. 509. Л. 96–97].

Новые социальные отношения, включающие суждения о «новом быте», призывы к борьбе со старым укладом, критику религии, обсуждение коммунистической культуры, а также расхождений в пропагандируемых ценностях объединяет категория «new life» – 32 (7,9% от суммы всех признаков). Максимальное значение показателя – 21 – пришлось на 1924 г., в дальнейшем его значение резко снизилось, а 1926–1927 гг. вообще не проявлялось. Отмечается и разное эмоциональное содержание писем. Если в 1924–1925 гг. наряду с призывами к разрушению пережитков прошлого с легкостью можно обнаружить нотки пессимизма и острую критику некоммунистического поведения отдельных представителей не только партии, но и комсомола, окруживших себя шиком и блеском: «В то время как мы голодаем, да и безработица огромная, а отдельные личности от жиру зады-

хаются. Автомобили, автобусы, рысаки и рестораны, кинотеатры, лучшие столовки – всего для них, так невольно задаешь себе вопрос: эх, зачем так много слов и речей, чем наша власть отличается от царской? [10. Д. 588. Л. 27]. То характерной чертой писем 1928–1929 гг. стали идеи призыва к постепенному, кропотливому, трудовому строительству Советского государства с присущим стремлением к самопожертвованию: «Нам здесь не нужно унывать: борись и крепись, только в борьбе ты обретишь право свое, иди по пути Ильича, шире расчищай его путь» [Там же. Д. 593. Л. 45]. Секретарь комсомольской ячейки с. Коченга Усть-Удинского района Иркутского округа В. Кузьмина в письме бывшему политкаторжанину Г.Б. Сandomирскому писала: «Еду в деревню работать, создавать нового человека, который смог бы строить новую жизнь и бороться за право угнетенных всего мира. Бодрая, жизнерадостная, полная желания переделать деревню Илима на новую – задача большая, непосильная, но она осуществится рано или поздно» [15]. Как видно, от разочарования и критики акцент сменился на призыв к продолжению борьбы. Данное обстоятельство можно объяснить осознанием молодежью невозможности быстрого перехода к новому миру. Произошло замещение идеи «сейчас и сегодня» на «будущее завтра», для достижения которого помимо веры требовались терпение и труд.

Категория «dissatisfaction» охватывает суждения, предложения и частично требования, касающиеся основных направлений работы комсомольской организации: «больше практической работы», «изменений в области экономической политики», «переоценки роли культурного развития». Количество выявленных признаков – 32 (7,9% от суммы всех признаков). Показатель относительно равномерно распределен по годам. Минимальное значение определено для 1924 г. Эта категория хорошо демонстрирует попытки подрастающего поколения оказывать влияние на проводимую молодежную политику. В ней не присутствует острая критика, а скорее содержится перечень рекомендаций, направленных на улучшение работы коммунистических союзов. В частности, встречаются советы с мест: «...чтобы ЦК меньше уделял внимание разным предписаниям, а занялся бы практической работой с местными ячейками»; «о необходимости командировки инструкторов», объясняющих смысл тех или иных кампаний; обязательный «учёт местных особенностей» [10. Д. 507. Л. 21] при организации работы. Во многих письмах присутствует неудовлетворенность и одновременно просьба о разъяснении проводимой экономической политики, смысла коммунистического строя: «Мы сами видим, что впереди огоньки, но путь то наш к этим огонькам туманится, как подходить то деревенскому комсомольцу к этой электрификации, коммунизму? Вот, Вы, нам укажите не на цель, которую мы все знаем, а на задачи к этой цели, то есть практические пути» [Там же. Л. 22].

Жалобы на сложную экономическую обстановку, голод, дороговизну, безработицу, тяжелые бытовые условия, объединенные в категорию «money», безусловно, занимали весомое место в письмах молодежи, но с точки зрения количества выявленных при-

знаков – 29 (7,1% от суммы всех признаков) – в таблице занимают только седьмое место. Показатель лишь немного увеличился в период 1926–1927 гг., но в целом на протяжении изучаемого периода был без экстремумов. С одной стороны, это может свидетельствовать о неизменности проблемы материальной составляющей в жизни подрастающего поколения на протяжении всего исследуемого периода. А с другой – её меньшая количественная представленность в сравнении с категориями, объединяющими идеологические и политические характеристики, не лишней раз подчеркивает, что в сознании молодежи 1920-х гг. сохранялся примат политики над экономикой. Большевицкая идея строительства справедливого советского общества постепенно укоренялась в сознании подрастающего поколения, и прежде всего с реализацией этой главной задачи они связывали решение своих материальных проблем.

Категория «class» выражает неудовлетворенность социальной (классовой) политикой и объединяет вопросы о внутренних врагах, критику или поддержку главных направлений классовой политики: против кулака, служащего, середняка и крестьянства, против диктатуры пролетариата, всего 27 признаков (6,6% от суммы). В обнаруженных письмах прослеживаются два противоположных взгляда. Один олицетворяет недовольство социальной политикой с требованием запретить или минимизировать членство в комсомоле представителей непролетарских сословий вплоть до ограничения вступления крестьян-середняков. Другой взгляд на проблему, как правило, лиц непролетарских слоев задавал вопрос: почему учащиеся, дети из семей интеллигенции и даже кулаков имеют гораздо меньше прав для вступления в коммунистический союз? Следует отметить, что данная проблема на протяжении 1920-х гг. волновала не только молодежь, но и руководителей союзного государства, но единой линии тогда так и не удалось выработать. В 1926 г. в письме Бухарину иркутские комсомольцы, указывая на серьезные противоречия в социальной (классовой) политике, интересовались: «Мы все в комсомоле товарищи, мы все на одинаковых правах, но посмотреть ближе у нас не совсем так... уже в пионерах чувствуются группировки, там на детей рабочих смотрят лучше чем на учащихся или прочих. Переходят в комсомол здесь еще выпуклее это. Рабочий молодежь занимает привилегированное место, а учащиеся последнее... Если у нас будет идти так всегда, то когда же мы научимся смотреть друг на друга как на равных товарищей. Когда мы изживем те взгляды, которые существуют на служащую и учащуюся молодежь. Тов. Бухарин, ответьте должны ли быть в комсомоле все равны, все товарищи и даже братья, и почему этого не может быть?» [10. Д. 680. Л. 7–8].

Несмотря на то что комсомольской организации с первых дней стремились придать статус политической, подготавливающей кадры для партии, молодежь в нее вступала по другим причинам (см. «reason»). Не случайно в начале 1920-х гг. уровень политической грамотности оставался крайне низким, а проблемы политической учебы, неудовлетворительных знаний программы и устава организации поднимались регу-

лярно на съездах и конференциях. Отношение молодежи к политическому содержанию в работе комсомола объединено в категорию «polisy» – 26 категориальных признаков (6,4% от суммы). Спектр мнений по данной проблеме также был сложным и включал суждения от необходимости полного отказа от политической учебы в пользу всестороннего культурного развития личности до констатации утраты политического содержания в работе, своего рода лица коммунистического союза. Наибольшая встречаемость признаков обнаружена в 1926–1927 гг. Этот временной период стал рубежом в оценке необходимости политического содержания в работе комсомола. Если до 1926 г. прослеживаются как отрицательные, так и положительные суждения, то после 1927 г. негативные мнения нами выявлены не были, комсомол окончательно встал на путь политической организации.

Любопытно, что вопрос взаимоотношения между партией и комсомолом, выделенный в категорию «party» и включающий такие признаки, как неудовлетворенность взаимоотношениями партии и комсомола, подчиненность партии, отсутствие взаимопонимания и т.д., в сравнении с другими категориями составляет лишь 5,9% от суммы всех признаков. Результат тем более интересен, если учитывать, что часть исследователей, особенно в советское время, данную проблему возводили в число ключевых, вокруг которой и строилось изложение истории молодежного движения [3, 16, 17]. Анализ содержания писем показал, что этот вопрос в представлении молодежи не входил в число ключевых. В начале и середине 1920-х гг. проблема представлена достаточно равномерно, определенный всплеск наблюдался лишь в 1928 г. – 9 признаков, что в большей степени связано с новым партийным курсом индустриализации и коллективизации. В этот период в большинстве писем присутствует суждение о готовности следовать политическому и экономическому курсу, приверженности идее единства партии и комсомола.

На протяжении 1920-х гг. отношение общественности к коммунистическому союзу молодежи было неоднозначным. Указания на падение авторитета комсомола, негативное отношение членов семьи, конкретных людей нами объединены в категорию «attitude». Всего выявлено 20 признаков (4,9% от суммы). В этой категории обращает на себя внимание динамика – пик пришелся на 1924 г. – 11 признаков, в 1925 – 5, 1926–1927 – 0, в 1928–1929 гг. – 1 и 3 признака соответственно. Наибольшее количество признаков, пришедшееся на 1924 г., в целом совпадает с характером развития организации. Вплоть до 1924 г. численность комсомола сильно колебалась. Содержание писем позволяет увидеть несколько причин, почему молодежь покидала организацию. Среди них не последнее место занимало негативное, иногда ироничное отношение к комсомолу семьи и родственников, особенно в деревне. Чаше других в своих письмах об этом писали девушки: «Большинству из нас, вступая в ряды ВЛКСМ, приходится или совсем порвать с семьей, или становиться с ней во враждебные отношения. Год тому назад после вступления в ВЛКСМ жизнь моя в семье делалась с каждым днем

невыносимее...» [10. Д. 509. Л. 96]. С 1924 г. начался бурный рост организации, ее успехи в области защиты прав молодежи повысили авторитет и изменили отношение общественности, поэтому во второй половине 1920-х гг. признаки этой категории в письмах практически не прослеживаются.

Интересной представляется категория, характеризующая недовольство молодежи нагрузками, которые она вынуждена была нести, совмещая профессиональный труд, обучение и общественную работу. Подобные суждения нами объединены в категорию «workload». Всего выявлено 17 признаков (4,2% от суммы). Признаки равномерно распределены по годам, но наибольшая встречаемость обнаружена в 1926 г. – 7. В целом молодое поколение, вступившее в комсомол, осознавало, что здесь не только предоставляется возможность для удовлетворения социально-культурных потребностей, но и требуется ответственная, бескорыстная работа на благо общего дела – построения нового социалистического общества. Однако рост обязанностей в скором времени значительно превысил предоставляемые возможности (особенно для рядовых членов). Перечень предъявляемых требований и задач многим казался непосильным, это стало причиной обращения молодежи к власти за разъяснением. «Ленин говорит, что комсомол должен воспитывать будущих строителей коммунизма, потом говорит, что комсомол должен быть помощником партии, должен участвовать и там и сям и что только не навязывает ему. Я удивляюсь, как можно так говорить, если посчитать, сколько обязанностей возлагается на комсомольца, то нужно ему иметь и сверхъестественную силу, чтобы выполнить всё» [10. Д. 507. Л. 157].

Последней категорией, имеющей статистически значимое количество встречаемых в письмах признаков, выступает «alternate». Общее число атрибутов этой категории составляет 13 (3,2% от всей суммы). Она содержит суждения о воздействии на молодежь чуждых коммунизму сил, некоммунистических объединений, альтернативах в молодежном движении. Максимальная встречаемость признаков приходится на 1924 и 1925 гг. – 4 и 5 соответственно. В последующие годы признаки категории или не выявлены, или встречаются минимально (1926 и 1928 гг. – по два раза). В начале 1920-х гг. вопрос об альтернативах в развитии молодежного движения стоял довольно остро. Комсомол активизировал борьбу против своих конкурентов: сначала были «ликвидированы» организации политических оппонентов большевиков, затем были закрыты или реорганизованы большинство культурно-просветительских и спортивных некоммунистических кружков. В итоге к 1925 г. в стране установилась комсомольская монополия. Поэтому после 1925 г. в письмах тема влияния альтернативных некоммунистических идеологий на молодежь практически отсутствует. В октябре 1925 г. по этому поводу писал комсомолец Наймворд: «Комсомол – единственная легальная молодежная организация. В этом ли беда? Много развитых, зрелых политически рабочих парней, много трудящихся вообще говорят, да это плохо. Я слышал это из уст многих комсомольцев, я считаю такие взгляды ошибочными, при диктатуре

пролетариата нужна только одна единственная организация молодежи. Это неоспоримо!» [10. Д. 587. Л. 20]. Единственной силой, которая имела хоть какое-то влияние на подрастающее поколение во второй половине 1920-х гг., судя по содержанию писем, оставалась религия. На волне роста разочарования (см. «pessimism») в письмах встречаются суждения, идущие вразрез с коммунистической идеологией: «Молодежь начинает интересоваться религией. Она-то ее и принимает с сегодняшними настроениями в свои объятия. Молодежь просвещается, узнает, какое место занимает религия в человеческом обществе. Она становится для молодежи нужной» [Там же. Д. 507. Л. 40 об.]. Как показывают отчеты центральных и местных комсомольских организаций, несмотря на активную борьбу с религией и верованиями, даже во второй половине 1920-х гг. ее влияние в обществе и среди молодежи оставалось значительным.

Таким образом, 1920-е гг. – время активного письменного творчества, письма стали естественным результатом роста социальной и политической активности молодежи, стремлением поделиться о наболевшем, попыткой решить не только свои личные проблемы, но и заявить о серьезных разногласиях между пропагандируемыми идеалами и действительностью.

Проведенный нами контент-анализ содержания писем показал, что вопросы, поднимаемые молодым поколением, были чрезвычайно разнообразные. Однако в результате количественного анализа можно увидеть, что все они группируются вокруг трех основных проблем, с которыми обращалась молодежь: неудовлетворенность «внутренней жизнью» комсомольской организации, разочарование в основных направлениях ее деятельности и комплекс конкретных социально-экономических и политических проблем исторического периода.

На протяжении 1920-х гг. сюжеты писем с точки зрения приоритетности менялись. Так, в 1924 г. главными темами выступили вопросы нового социального порядка, нового быта и отношения общества к комсомольским инициативам, в 1925–1926 гг. сюжеты концентрировались вокруг охватившего часть молодежи разочарования и пессимизма в отношении достижимости главных идей социализма, наконец, в конце 1920-х гг. молодое поколение интересовало вопросы социальной (классовой) политики, поддержки партии и внутренней демократии. Дальнейшее исследование источников данного вида предоставляет большие возможности не только для изучения истории молодежного движения, но и широкого комплекса проблем исторической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгов В.В. Из истории борьбы партии и комсомола с троцкизмом за молодежь. М. : Высш. комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, 1988. 28 с.
2. Динес В.А., Лейкин А.Я. За интернациональное единство молодежи. Из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными националистическими партиями за молодежь, 1917–1925 гг. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 202 с.
3. Ацаркин А.Н., Галкова Д.Н. Комсомол в борьбе с троцкизмом (1923–1927). М. : Изд-во МГУ, 1985. 190 с.
4. Кобак И.В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 2. Вып. 2. С. 142–148.
5. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М. : РОССПЭН, 1998. 664 с.
6. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. М. : РОССПЭН, 1998–2012.
7. Молодечное движение в России (1917–1928 гг.) Документы и материалы. М. : Сов. спорт, 1993. 260 с.
8. Дневники и письма комсомольцев. М. : Мол. гвардия, 1978. 366 с.
9. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 187. Оп. 1. Д. 118. Л. 120–121.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23.
11. Блог о контент-анализе. URL: <http://content-analysis.ru/index.php/tag/global-qda/> (дата обращения: 02.05.2017).
12. Дюркгейм. Э. О разделении общественного труда. М. : Наука, 1996. 576 с.
13. Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1927. 160+XVII с.
14. Бухарин Н.И. «Злые заметки» // Правда. 1927. 12 янв.
15. РГАСПИ Ф. 26. Оп. 1. Д. 93. Л. 6–10.
16. Королев А.М. Партия и комсомол: Некоторые вопросы партийного руководства комсомолом. М. : Мол. гвардия, 1976. 199 с.
17. Педан С.А. Партия и комсомол (1918–1945 годы): Историографический очерк. Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. 160 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 мая 2017 г.

“I LOSE FAITH IN SOCIALISM, I LOSE FAITH IN THE FACT THAT THE KOMSOMOL IS SOMETHING SENSIBLE, GOOD”: A CONTENT ANALYSIS OF THE LETTERS OF THE YOUTH OF THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 145–152.

DOI: 10.17223/15617793/422/21

Roman V. Rybakov, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: roman-rybakov@mail.ru

Keywords: history of youth; Komsomol; content analysis; letters of youth.

Attraction of the epistolary heritage as the main historical source becomes an actual and effective way of solving various research tasks today. The history of the youth movement of the 1920s is not an exception. Letters of the youth give a chance to look at the endured historical events through the eyes of young men and women, to learn their feelings, thoughts, dreams, hopes, which is of great value for researchers. The article is devoted to the study of the content of letters of the youth of the 1920s. The article analyzes the set of problems the young person was preoccupied with. Dynamics of their importance throughout the studied period is investigated. The research is based on archival materials. The list of questions which were raised by the youth in epistolary works is rather extensive; therefore, to implement the tasks the content analysis method was involved. Among the revealed categories the problem showing discontent with relations in the Komsomol is the most frequent. The younger generation wrote about the disunity, the hierarchy within the organization, the lack of freedom of speech, choice. Young people expressed dissatisfaction with the nature of the work, drew attention to bureaucracy, careerism, lies, hypocrisy, formalism. It is established that discrepancy of the declared commu-

nistic principles and daily occurrence led to serious psychological experiences and pessimism. The content of the letters shows that the younger generation tried to influence the youth policy. There is not only acute criticism, but also a list of recommendations aimed at improving work among young people. Despite the importance of the financial component, the problem ranks the seventh in the list. It demonstrates that the idea of a fair Soviet society was rooted in the consciousness, and the youth connected the solution of financial problems with implementing this main task. During the 1920s, the subject matter of the letters changed in terms of priority. Thus, in 1924 the main topics were the questions of the new social order, the new way of life and the attitude of society towards the Komsomol initiatives; in 1925–1926 the topics were centered around the disappointment and pessimism that engulfed some of the youth regarding the attainability of the main ideas of socialism; finally, in the late 1920s, the younger generation was interested in issues of social (class) politics, support for the party and internal democracy. It can also be seen from the analysis that they all group around three main problems that the youth addressed: dissatisfaction with the “inner life” of the Komsomol organization, disappointment in its main activities and a set of specific socio-economic and political problems of the historical period. Further, research on the sources of this species provides great opportunities not only for studying the history of the youth movement, but also for a wide range of problems of the historical era.

REFERENCES

1. Dolgov, V.V. (1988) *Iz istorii bor'by partii i komsomola s trotskizmom za molodezh'* [From the history of the struggle of the Party and the Komsomol with Trotskyism for the youth]. Moscow: Vyssh. komsomol'skoy shkoly pri TsK VLKSM.
2. Dines, V.A. & Leykin, A.Ya. (1988) *Za internatsional'noe edinstvo molodezhi. Iz istorii bor'by KPSS s burzhuaizmi i melkoburzhuaizmi natsionalisticheskimi partijami za molodezh', 1917–1925 gg.* [For the international unity of the youth. From the history of the struggle of the CPSU with bourgeois and petty-bourgeois nationalist parties for the youth]. Saratov: Saratov State University.
3. Atsarkin, A.N. & Galkova, D.N. (1985) *Komsomol v bor'be s trotskizmom (1923–1927)* [The Komsomol in the struggle against Trotskyism (1923–1927)]. Moscow: Moscow State University.
4. Kobak, I.V. (2012) Letters as a historical source: the problems and methods of study. *Vestnik SpbGU – Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Bulletin of St. Petersburg University*. 2:2. pp. 142–148.
5. Livshin, A.Ya. & Orlov, I.B. (1998) *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdym* [Letters to power. 1917–1927. Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders]. Moscow: ROSSPEN.
6. Berelovich, A. & Danilov, V. (eds) (1998–2012) *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t.* [Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials: in 4 vols]. Moscow: ROSSPEN.
7. Alekseev, A.A. & Khorunzhiy, V.V. (eds) (1993) *Molodezhnoe dvizhenie v Rossii (1917–1928 gg.) Dokumenty i materialy* [Youth movement in Russia (1917–1928). Documents and materials]. Moscow: Sovetskiy sport.
8. Kataeva, M. (1978) *Dnevnik i pis'ma komsomol'tsev.: Sbornik* [Diaries and letters of the Komsomol members: a collection]. Moscow: Mol. gvardiya.
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 187. List 1. File 118. Pages 120–121. (In Russian).
10. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M-1. List 23. (In Russian).
11. Blog about content analysis. [Online] Available from: <http://content-analysis.ru/index.php/tag/global-qda/>. (Accessed: 02.05.2017). (In Russian).
12. Durkheim, E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The division of labor in society]. Translated from French. Moscow: Nauka.
13. Lunacharskiy, A.V. et al. (1927) *Upadochnoe nastroyenie sredi molodezhi. Eseninshchina* [Decline of mood among the youth. Yesenin-like mood]. Moscow: Izd-vo Kommunisticheskoy akademii.
14. Bukharin, N.I. (1927) “Zlye zametki” [“Evil notes”]. *Pravda*. 12 January.
15. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) Fund 26. List 1. File 93. Pages 6–10. (In Russian).
16. Korolev, A.M. (1976) *Partiya i komsomol: Nekotorye voprosy partiynogo rukovodstva komsomolom* [The Party and the Komsomol: Some questions of the party leaders of the Komsomol]. Moscow: Mol. gvardiya.
17. Pedan, S.A. (1979) *Partiya i komsomol (1918–1945 gody): Istoriograficheskiy ocherk* [Party and the Komsomol (1918–1945): a historiographical essay]. Leningrad: Leningrad State University.

Received: 08 May 2017